

Vladimir Maiakovskii

ПОСЛУШАЙТЕ!

Послушайте!

Ведь, если звезды зажигают -
значит - это кому-нибудь нужно?
Значит - кто-то хочет, чтобы они были?
Значит - кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?

И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит -
чтоб обязательно была звезда! -
клянется -
не перенесет эту беззвездную муку!
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.
Говорит кому-то:
"Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!"
Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают -
значит - это кому-нибудь нужно?
Значит - это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

Listen!

Listen!

Surely, if the stars are lit up -
that means someone needs it?
That means someone wants them to be there?
That means that someone calls these flecks of spittle pearls?
And, struggling through
the blizzards of midday dust,
bursts in to see god,
afraid he's too late,
weeps,
kisses his sinewy hand,
begs
that there must be a star! –
swears
he cannot bear this starless anguish!
And later
Walks round, anxious,
but calm on the exterior.
He says to someone:
"Are you all right now?
Not frightened?
Yes?!"
Listen!
Surely if the stars
are lit up –
that means someone needs it?
That means it's certain
that every evening
over the rooftops
even just one star will light up?!

Boris Slutskii

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

Было полтора чемодана.
Да, не две, а полтора
Шмуктов, барахла, добра
И огромная жажда добра,
Леденящая, вроде Алдана.
И еще – словарный запас,
Тот, что я на всю жизнь запас.
Да просторное, как Семиречье,
Крепкое, как его казачье,
Громоносное просторечье,
Общее,
Ничье,
Но мое.

Было полтора костюма:
Пара брюк и два пиджака,
Но улыбка была - неприступна,
Но походка была – легка.

Было полторы баллады
Без особого склада и ладу.
Было мне восемнадцать лет,
И – в Москву бесплацкартный билет
Залегал в седцевине кармана,
И еще полтора чемодана
Шмуктов, барахла, добра
И огромная жажда добра.

Eighteen years old

There was a suitcase and a half.
Yes, not two, but one and a half
Odds and ends, chattels and goods
And an enormous thirst for good,
Freezing, like Aldan.*
And in addition – a vocabulary,
That I had saved up for my whole life.
And, spacious as Semirech'e,**
Strong as its Cossacks,
Thunder-bearing simple speech,
Shared,
No-one's,
But mine.

There was a suit and a half:
A pair of trousers and two jackets,
But my smile was unassailable,
But my step was light.

There was a ballad and a half
With no particular rhyme or reason.***
I was eighteen years old,
And a unreserved ticket to Moscow
lay in wait in the heart of my pocket,
And in addition a suitcase and a half
Of odds and ends, chattels and goods
And an enormous thirst for good.

* place in Yakutia ** region of Kazakhstan

*** без склада и ладу literally: without form and style

Bella Akhmadulina

ДРУГОЕ

Что случилось? Зачем я не могу,
уж целый год не знаю, не умею
слагать стихи и только немоту
тяжелую в моих губах имею?

Вы скажете - но вот уже строфа,
четыре строчки в ней, она готова.
Я не о том. Во мне уже стара
привычка ставить слово после слова.

Порядок этот ведает рука.
Я не о том. Как это прежде было?
Когда происходило - не строка -
другое что-то. Только что?- забыла.

Да, то, другое, разве знало страх,
когда шалило голосом так смело,
само, как смех, смеялось на устах
и плакало, как плач, если хотело?

1966

Other

What's happened? Why can't I,
for a whole year I don't know, don't know how
to compose verses and have only
heavy muteness on my lips?

You'll say – but there's a stanza already,
four lines in it, it's ready.
That's not what I'm saying. In me is already old
the habit of putting a word after a word.

My hand knows this order.
That's not what I'm saying. How was it before?
When it happened – not a line –
some other something. But what? I've forgotten.

Yes, surely that other thing knew no fear,
when it so boldly played around with my voice,
itself, like laughter, laughed on my lips
and wept, like weeping, if it wanted?